

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ

В праздничной афише с 20 по 27 декабря будет среди других спектаклей латышской труппы ТЮЗа «Я вижу солнце» по повести Н. Думбадзе, которым театр включается в фестиваль драматургии и театрального искусства народов СССР. Ставит спектакль главный режиссер Государственного театра музыкальной комедии им. Васо Абашидзе в Грузии, засл. деятель искусств Грузинской ССР Теймураз Георгиевич.

Наш корреспондент М. Сваринская обратилась к гостю с рядом вопросов:

— Теймураз Георгиевич, были ли у вас ранее связи с Рижским ТЮЗом или эта встреча является первой?

— В принципе — да. С главным режиссером театра Адольфом Шапиро

мы — давние друзья. Наверное, потому что — единомышленники, а кроме того — одногодки, — улыбается Абашидзе. — И вот во время гастролей нашего театра, которые проходили высоко в горах, вдруг ночью раздается звонок из Риги. Я был очень удивлен. Оказывается, звонит Шапиро и предлагает мне эту работу. Предложение было заманчивым и интересным. Поэтому, несмотря на сжатые сроки репетиций, я согласился и приехал.

— А как состоялось ваше знакомство непосредственно с коллективом театра?

— Во-первых, приехав в Ригу, я несколько дней подряд, утром и вечером, смотрел спектакли. Видел «Последние», «Винни-Пух и его

друзья», пьесу Г. Приеде «Играй, музыкант».

— Ваши впечатления? — Самые хорошие. Очень, просто очень понравился спектакль «Играй, музыкант». Интересная режиссура П. Петерсона. Любопытное художественное решение спектакля как в передаче стихотворного текста, так и в самой основе постановки: в синтезе автобиографических связей Чака с его поэтическим выражением мира и раскрытием важных человеческих проблем. Спектакль очень эмоциональный и выразительный.

Вообще надо сказать, что о Рижском ТЮЗе я самого высокого мнения. Это — театр интересных творческих поисков, экспериментирующий, свежий по проблемати-

ке. Тренированные, высокопрофессиональные актеры. Труппа гибкая, благодатная для режиссерской работы. И сейчас, когда мое знакомство с актерами продолжается уже конкретно в работе, я снова и снова убеждаюсь в том, что это действительно очень работоспособный, творчески активный коллектив.

— В свое время, будучи главным режиссером русского ТЮЗа в Грузии, вы ставили там «Я вижу солнце». Будет ли различие между тем вашим спектаклем и нынешним, рижским?

— В основном нет. Главное, что как режиссер я открыл и хотел показать в пьесе Думбадзе, остается для меня важным и по сей день. Поэтому основное ре-

шение будет таким же. Разумеется, что-то меняется в мизансценах, отдельных эпизодах — но это уже детали. — Чем определялось решение поставить пьесу именно в латышской труппе?

— Понимаете, Думбадзе ставили на русском языке очень широко. Его произведения пользуются огромной популярностью в разных уголках страны. И не безосновательно. По-моему, это один из ведущих современных драматургов Грузии. Хотя по сути он и не драматург, а писатель. Но пишет свои повести и рассказы так действенно и образно, что они как бы сами напрашиваются на сценическое переложение. Кроме того, он умеет на простейших вещах разрешать актуальные жизненные проблемы, что очень важно в театральном искусстве. И теперь, особенно в связи с 50-летием СССР, хотелось именно латышского зрителя познакомить с этим замечательным, на мой взгляд, автором.

— Кто перевел пьесу? — Переводчик — бывший тбилисец М. Сависко. В довольно короткий срок он

сделал перевод и, судя по реакции труппы, очень неплохой.

— Кто оформляет спектакль?

— Художник постановки мой земляк Г. Церадзе. С ним вместе мы работали над этой же пьесой в Грузии.

— Южный темперамент и прибалтийский, как известно, различны. Удастся ли нашим латышским актерам передать самобытность грузинского характера?

— Это весьма щекотливый вопрос. Все дело в том, что понимать под самобытностью грузинского темперамента. Когда, например, такой тонкий актер, как Юрский, или же Копелян в спектакле БДТ «Я, бабушка, Илико и Илларион» начинают изъясняться на каком-то ломаном русском языке — мы, грузины, недоумеваем. Почему, если ставят Пиранделло или же Ануя, никому из режиссеров или актеров не приходит в голову мысль, что текст роли должен произноситься с итальянским акцентом или французским прононсом. Но как только ставится грузинская пьеса на русском языке, все

считают как бы своим делом тут же коверкать собственный язык и говорить на помеси русского с армянским, грузинским и даже азербайджанским. У театра есть свои законы и своя условность. Если ты ставишь переводную пьесу о жизни другого народа, то сами «условия игры» сценического искусства требуют от зрителя веры в то, что перед его глазами проходит судьба грузинского или иного народа. А то получается, согласно такой логике, что перед вами грузины, не умеющие говорить по-грузински же. Все это, по-моему, антисамобытность, желание посмеяться зрителя.

Для меня важно суметь передать через актера внутреннюю активность диалога, верную реакцию на столкновение с жизненными конфликтами, правильный строй развития переживания и мышления героя на сцене — тогда, по-моему, и будет передан грузинский характер персонажей. В этом направлении мы и работаем с латышскими актерами. Но говорить они будут на своем нормальном латышском языке.

ке. И думаю, что это ни в коем случае не помешает зрителям поверить в то, что перед ними жизнь грузинского народа.

— Ставили ли вы когда-нибудь прибалтийских авторов?

— Да. В 1963 году — пьесу эстонского классика Э. Раннета «Блудный сын».

— А как во время репетиций вы преодолеваете языковой барьер?

— В этом мне очень помогает засл. деятель искусств Латвийской ССР Луция Баумане. Я говорю ей о задачах актеров, она следит, как это выполняется конкретно на тексте. Кроме того, я и сам начинаю кое-что «понимать», — улыбается Абашидзе. — То есть по экспрессии сцены, диалогов чувствую правильность или неверность внутреннего развития пьесы.

— И последний вопрос, Теймураз Георгиевич. А получается спектакль?

Абашидзе улыбнулся, но не ответил.

Он прав. Об этом судить будут зрители.